

18+

КЛУБ

МЕРТВЫХ ДВОЙНИКОВ

Глеб Северцев

Глеб Северцев

Клуб мёртвых двойников

<https://litres.ru/74249462>

ISBN 9785007050067

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Каждые 72 часа в городе находят тело очередного «вип-персоны». Убитый всегда оказывается точной копией другого, еще живого человека. Чтобы выжить, частный детектив внедряется в тайное общество, где правило просто: «Убей двойника — займешь его место».

Содержание

Глава 1. Эффект «Мертвой воды»	5
Глава 2. Фантомная боль	15
Глава 3. Приглашение в клуб	22
Глава 4. Театр Теней	26
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Клуб мёртвых двойников

Глеб Северцев

© Глеб Северцев, 2026

ISBN 978-5-0070-5006-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Эффект «Мертвой воды»

Осень. Мегаполис. Дождливый вторник.

Санкт-Петербург, Василеостровский район. В 6:47 утра дворник Геннадий Степанович, страдающий хроническим радикулитом и любовью к дешевому коньяку, обнаруживает тело. Мужчина в дорогом пальто из ангоры, итальянских туфлях и с часами «Планет Океан» лежит лицом в луже, образовавшейся на стыке двух канализационных люков.

Первая мысль дворника: «Перепил барин». Вторая, когда он переворачивает тело: «Барина убили».

Убитый — сорок пять лет, холеное лицо, следы недавней ботоксной подтяжки, аккуратная борода. На левом виске — гематома, на затылке — рваная рана, нанесенная, как позднее установят эксперты, тупым предметом с зубчатой поверхностью (окажется, что это был тяжелый бронзовый пресс-папье в виде льва).

Прибывшая на место старший следователь городского управления Светлана Соболева (сорок два года, три развода, хроническое недоверие ко всем мужчинам и ко всем уликам, которые выглядят слишком очевидными) делает первое фотографирование. Она замечает странность: пальцы убитого сжаты в кулак, будто он пытался что-то удержать. В кулаке — клочок бумаги, на котором выведено одно слово: «Отражай».

Слово ничего не значит. Ни один оперативник не может его привязать ни к месту, ни к личности погибшего.

Однако самая большая странность случается через два часа, когда личность устанавливают по отпечаткам пальцев. Убитый — Олег Викторович Градовский, пятьдесят один год (эксперты ошиблись в визуальной оценке возраста из-за пластики), владелец сети гипермаркетов электроники «Блиц». Человек с капиталом в полмиллиарда, тремя бывшими женами, действующим браком с двадцатипятилетней фотомodelью и репутацией жесткого, даже жестокого переговорщика.

Журналисты сбегаются, как мухи на мед. Они звонят пресс-секретарю Градовского, и тот, проконсультировавшись с семьей, выдает официальное опровержение: «Олег Викторович жив и здоров. Вчера вечером он вылетел в Лондон на переговоры о покупке британской сети. В данный момент он находится в отеле „Савой“».

Следователь Соболева связывается с Лондоном через интерпол. Ей присылают видео: Градовский собственной персоной, в таком же пальто, с такой же бородкой, пьет чай с молоком в лобби отеля. Время записи совпадает со временем смерти, указанной судмедэкспертом плюс-минус часовая разница в часовых поясах.

Градовский-лондонский выглядит растерянным, когда ему сообщают о двойнике. Он недоуменно моргает, трет переносицу, затем нервно смеется и спрашивает: «Это розыг-

рыш? Это мои конкуренты из „М-Видео“ решили пошутить?»

Полиция назначает ДНК-экспертизу. В лаборатории «БиоТест» работают лучшие специалисты города. Заведующий лабораторией, старый педант Соломон Яковлевич, проводит анализ в двух независимых секторах, с перекрестной проверкой.

Результат: генетический профиль убитого идентичен профилю живого Градовского на 99,9997 процента. Расхождение находится в пределах погрешности оборудования. Соломон Яковлевич, который за свою карьеру видел всякое — и поддельные ДНК, и трансплантации костного мозга, меняющие гематологический профиль, — разводит руками: «Это биологический близнец. Монозиготный. Такое бывает раз на миллион».

Проблема: у Градовского никогда не было брата-близнеца. Его мать, ныне покойная, рожала одного ребенка. Документы из роддома, опросы родственников, старые фотографии — всё указывает на то, что Олег Викторович появился на свет в единственном экземпляре.

И тут появляется наша вторая линия.

Частный детектив Максим Власов. Тот самый циник.

Власову тридцать восемь лет. Он носит потертую кожаную куртку, купленную в бытность службы в уголовном ро-

зыске, и вид у него такой, будто он только что проснулся после трехдневного запоя, хотя последнюю неделю не пил вообще. У него глубокая зарубка на левой брови (осталась от встречи с ножом грузинского вора в законе в две тысячи пять лет) и привычка постоянно теревить мочку уха, когда думает.

Два года назад он уволился из органов после гибели напарника, Павла Ковалева. Пашу застрелили при задержании: обычная операция, обычный подъезд, обычный наркоторговец с китайским пистолетом. Но Паша был не просто напарником — он был другом детства, крестным отцом дочери Власова и человеком, который вытащил Макса из первой депрессии после смерти жены от рака.

После похорон Ковалева Власов сдал удостоверение, продал квартиру в центре, купил комнату в коммуналке на окраине и открыл частное детективное агентство. Называлось оно пафосно — «Третий глаз», но клиентура была соответствующая: поиски пропавших кошек, слежка за неверными мужьями, сбор долгов с бывших партнеров по бизнесу.

Доходы позволяли питаться один раз в день — вечером, гречкой с тушенкой.

И вот в эту самую гречку звонит телефон. Номер незнакомый. Женский голос, дрожащий, с истерическими нотками: «Вы детектив Власов? Мне дал ваш номер... дал человек, который сказал, что вы умеете находить тех, кто не хочет, чтобы его нашли».

Власов кряхтит, выключает газ под кастрюлей и говорит: «Умею. Что за случай?»

Женщину зовут Елена Георгиевна Тихонова. Сорок четыре года. Жена Игоря Аркадьевича Тихонова, банкира, председателя правления «Балтийского кредитного союза». Тихонов пропал четыре дня назад. Вышел из офиса в семь вечера, сел в служебную машину с водителем, а в восемь позвонил жене: «Лена, я сейчас, я в пробке, буду через час».

Больше его никто не видел. Водитель (молодой парень, крепкий, бывший военный) говорит, что довез Тихонова до бизнес-центра на Садовой, где у банкира была неофициальная встреча с кем-то. Кто этот кто-то, водитель не знает: «Игорь Аркадьевич велел ждать у входа. Сказал: „Через час выйду“. Я ждал два, потом начал звонить — телефон недоступен».

Тихонова не подавал признаков жизни. Полиция завела розыскное дело, но с формулировкой «без вести пропавший» — то есть без особого энтузиазма. Банкир, как выяснилось, был должен крупную сумму не тем людям (речь шла о переводе активов в теневой сектор), и оперативники решили, что он просто сбежал с деньгами в какую-нибудь теплую страну.

Елена Георгиевна не верит. «Игорь не такой, — говорит она Власову. — Он авантюрист, да, любит риск, но от семьи он никогда не сбежит. У нас дочь, ей двенадцать лет. Он её обожает».

Власов берется за дело из чистого цинизма: ему нужны деньги на очередной визит к психотерапевту, который лечит его от посттравматического расстройства. Гонорар Тихоновой — сто тысяч рублей плюс расходы. Для Власова это состояние.

Первое, что он делает, — едет в офис «Балтийского кредитного союза». Смотрит записи камер наблюдения. Седьмое октября, 19:03: Тихонов выходит из лифта, в сером костюме, с портфелем, на ходу поправляя галстук. Садится в машину. 19:11: машина подъезжает к бизнес-центру «Нева-Плаза» на Садовой. Тихонов выходит, что-то говорит водителю, затем скрывается за дверями.

Водитель ждет. Камера фиксирует каждые пятнадцать минут его лицо — скучающее, затем настороженное, затем встревоженное. В 21:20 он выходит из машины, заходит в бизнес-центр, возвращается через пять минут, хлопает дверью и уезжает.

Власов берет список всех арендаторов бизнес-центра. Обычные офисы: юридическая контора, аудиторская фирма, несколько ИТ-стартапов, стоматология. И одна странность: офис 417 арендован компанией с названием «Рефлекс Лимитед». Компания зарегистрирована в офшорной зоне. В Едином государственном реестре юридических лиц нет никакой информации о ее деятельности. Род занятий указан как «консультационные услуги».

Власов звонит по номеру, указанному в договоре аренды.

Трубку берет вежливый женский голос: «Рефлекс Лимитед, добрый день. Чем могу помочь?»

— По поводу встречи с Игорем Аркадьевичем Тихоновым, — наугад говорит Власов.

Пауза. Слишком долгая для нормального делового разговора.

— С кем имею честь? — голос становится холодным.

— Журналист «Коммерсантъ», проверка информации о слиянии банков.

— Вы ошиблись номером. — Кладут трубку.

Власов перезванивает — абонент недоступен. Звонит с другого номера — та же история. Компания «Рефлекс Лимитед» исчезла из телефонной сети за одну минуту.

Через три часа находят тело Игоря Тихонова.

Место обнаружения: пустырь за торговым центром «Московский».

Тихонов лежит на спине, руки сложены на груди, глаза закрыты. Убийца придал телу почтительное положение — будто покойника уже подготовили к похоронам. Причина смерти: ножевое ранение в сердце. Нож — обычный кухонный, найден рядом, отпечатков нет.

Но самое странное — телефон. Власов, прибывший на место вместе со следователем Соболевой (они знают друг друга с прежних времен, отношения у них сложные, не то любовь, не то война), берет телефон погибшего в перчатках и откры-

вает журнал звонков.

Последний входящий звонок — от Елены Георгиевны, в 20:33, за день до смерти. Власов набирает её номер. Голос жены-заказчицы звучит устало и растерянно:

— Максим, мне только что звонил Игорь. С другого номера. Неизвестного. Он сказал: «Лена, не ищи меня. Я в порядке. И не верь тому, что увидишь».

— Игорь жив? — переспрашивает Власов, глядя на тело с ножевым ранением в сердце и уже начинающимися трупными пятнами.

— Я слышала его голос, — шепчет женщина. — Это был он. Живой.

Власов кладет трубку и поворачивается к Соболевой. Та, опытный следователь, уже поняла, к чему всё идет. Она смотрит на тело, потом на детектива, и произносит фразу, которая станет началом кошмара:

— Макс, у нас труп. Но телефонная компания подтвердила: звонок был. Час назад. И голосовая идентификация дает девяносто восемь процентов совпадения с голосом Тихонова.

Значит, либо у банкира был идентичный близнец, о котором никто не знал, либо... Власов не может закончить мысль.

Он просит у Соболевой разрешения взять пробу ДНК с тела Тихонова и сравнительный материал из квартиры банкира (волосы с расчески). Соболева, нарушая все инструк-

ции, разрешает. Она тоже чувствует неладное.

Через двое суток результат тот же, что и с Градовским: генетическая идентичность. Убитый — абсолютная биологическая копия живого Игоря Тихонова.

А Тихонов-оригинал (или тот, кто называет себя Тихоновым) по-прежнему жив, звонит жене с неизвестных номеров и просит не верить тому, что она увидит.

Власов сидит в своем кабинете-комнате, пьет остывший кофе и смотрит на два дела. Два трупа. Два живых двойника. Никакой связи между жертвами — ни общих знакомых, ни деловых контактов, ни мест отдыха. Градовский — ритейл, Тихонов — банкир. Разные сферы, разные круги.

Но есть одна деталь, которую Власов замечает, когда снова просматривает протоколы вскрытия. В обоих документах, в разделе «Особые приметы», судмедэксперт записал одно и то же: «На левой ключице, под кожей, обнаружен инородный предмет. Металлическая пластина в форме знака бесконечности. Размер: 5 на 15 миллиметров. Имплантат старой модели, предположительно, из медицинской стали».

У обоих убитых под левой ключицей вшит один и тот же символ.

Знак бесконечности.

Власов закрывает ноутбук, надевает куртку и идет в круглосуточную аптеку за корвалолом. На улице моросит дождь. В голове стучит одна мысль: «Кто-то создает копии людей. И кто-то их убивает. Но зачем?»

Он не знает, что через три дня сам станет частью этой игры.

Глава 2. Фантомная боль

Вторая жертва — популярная фитнес-блогерша Лера. Полное имя — Валерия Сергеевна Ковальчук. Двадцать шесть лет, пять миллионов подписчиков в социальных сетях (заменим на условно-абстрактное «популярный видеохостинг» и «платформа для фото»), идеальное тело с низким процентом жира, лицо с правильными чертами, ослепительная улыбка и полное отсутствие оригинальных мыслей. Сама Лера, впрочем, этого недостатка не осознает — она считает себя интеллектуалкой, потому что раз в неделю читает краткое содержание книг по бизнесу.

Она просыпается в своей квартире на Крестовском острове (квартира, к слову, стоила двести тысяч долларов, заработанных рекламой протеиновых коктейлей и фитнес-трекеров) и первым делом берет телефон. Так начинается каждый её день: проверка уведомлений, лента, сторис.

Сегодня уведомлений больше обычного. Лера щурится от яркого экрана и видит десятки сообщений от подписчиков. Текст пестрит: «Лера, это правда?», «Боже, какой ужас», «Ты жива?», «Кто это сделал?», «Мы с тобой, держись!».

— Что за бред? — бормочет Лера, проматывая ленту.

Она находит новостной канал, где её имя вынесено в заголовок: «В парке 300-летия Санкт-Петербурга обнаружено тело фитнес-блогера Валерии Ковальчук. Полиция выясняет

обстоятельства».

Лера садится на кровати. Сердце начинает биться где-то в горле, хотя пульсомер на запястье (дорогие часы, подарок бывшего парня) показывает спокойные шестьдесят четыре удара — техника не врет, а значит, шок еще не дошел до физиологии.

Она открывает новость полностью. Текст гласит: «Сегодня утром, около шести часов, прохожие обнаружили тело молодой женщины в парке 300-летия. Личность погибшей установлена по документам, найденным в сумке. Это Валерия Ковальчук, 1997 года рождения. На теле обнаружены следы насильственной смерти. Полиция воздерживается от комментариев».

Прилагается фото. Размытое, сделанное явно на телефон очевидцем, но черты лица различимы. Лера смотрит на это фото и чувствует, как холодок ползет по спине. У погибшей её лицо. Её рост. Её фигура. Даже родинка над левой бровью — и та на месте.

— Это фотошоп, — говорит она себе громко. — Кто-то меня ненавидит и решил подшутить.

Она звонит своему администратору, Свете. Света не берет трубку. Звонит маме — мама в истерике: «Лерочка, ты жива? Мне только что звонили из полиции!»

Из полиции. Лера набирает номер дежурной части. Её соединяют со следователем. Мужской голос, усталый и безразличный, спрашивает: «Вы дочь? Сестра? Друг?»

— Я Валерия Ковальчук, — говорит Лера. — Та самая.

Молчание в трубке. Затем следователь вздыхает: «Вы не могли бы приехать к нам? Желательно с паспортом и каким-нибудь биоматериалом для анализа. У нас, знаете ли, небольшая нестыковка».

Нестыковка — мягко сказано. В морге лежит тело женщины, чьи документы, отпечатки пальцев (сверенные с базой данных ГИБДД, где у Леры брали отпечатки при замене прав) и ДНК (сравнили с пробой из квартиры погибшей) указывают на то, что погибшая — это Валерия Ковальчук. Но Валерия Ковальчук жива, сидит в кабинете следователя и нервно покусывает губу.

Власов узнаёт об этой истории от своей бывшей коллеги Соболевой. Та звонит ему в шесть утра и, не здороваясь, говорит:

— У нас третье дело. Та же схема: есть живой и мертвый. Мертвая — блогерша. У живой сегодня украли телефон, но убитую нашли с её телефоном в руке. И знаешь, что самое интересное? На левой ключице убитой — тот же знак бесконечности.

Власов едет в морг. Он смотрит на тело Валерии Ковальчук-убитой. Девушка молодая, красивая, даже смерть не может скрыть правильности черт. Власов, который к трупам привык за годы работы, все равно чувствует неприятную тяжесть в груди. Ему жаль эту девушку. Не только потому, что она мертва, а потому что она умерла, даже не зная, кто она

на самом деле.

«Копия, — думает Власов. — Она была копией. Как и те двое. Но кто тогда оригинал? И почему умирают именно копии? Или умирают оригиналы, а живут копии?»

Он встречается с живой Лерой в её квартире на Крестовском. Блогерша встречает его в дорогом спортивном костюме, без макияжа, и выглядит она не как идеальная картинка из соцсетей, а как обычная испуганная девушка с красными глазами (она плакала всю ночь) и дрожащими руками.

— Вы же детектив? — спрашивает Лера. — Вы найдете того, кто это сделал? Того, кто убил... ту девушку?

— Девушка, — поправляет Власов. — Она была человеком. Не «та девушка», а человек, который выглядел как вы.

Лера моргает. Она явно не ожидала такой прямоты.

— Она была... моей копией? — шепчет Лера. — Но как это возможно? У меня нет сестры-близнеца. Моя мама... я у неё спрашивала. Она поклялась, что родила одного ребенка.

— Ваша мама может врать. Или не знать правды. Или... — Власов замолкает, потому что не готов произнести следующую версию вслух.

Он просит у Леры разрешения провести обыск в её квартире. Лера соглашается. Детектив ходит по комнатам, рассматривает фотографии на стенах (Лера с подругами, Лера на соревнованиях по фитнесу, Лера в отпуске на Мальдивах), открывает ящики, проверяет аптечку.

В аптечке он находит странное: пузырек с надписью на ла-

тыни, которую Власов не понимает, но интуиция подсказывает, что это не витамины. Он фотографирует пузырек и отправляет снимок знакомому фармацевту.

Ответ приходит через час: «Это препарат для подавления иммунитета. Используется при трансплантации органов. Или при...» Фармацевт не дописывает, но Власов и так понимает. Или при поддержании жизни генетически чужеродного организма. Например, клона.

Лера смотрит на пузырек, и её лицо становится белым, как бумага. «Я не принимаю никаких лекарств, — говорит она. — Я вообще против химии. Только натуральные добавки».

— Значит, эти таблетки кто-то подложил вам в аптечку, — заключает Власов. — Или... вы их принимаете во сне. Или это лекарство для кого-то другого.

Он берется за дело Леры, хотя у него уже два дела. Или одно большое. Или одно бесконечное — как тот знак на ключицах мертвых.

Третья жертва появляется, когда Власов еще не успел осмыслить вторую.

На этот раз — профессор филологии, доктор наук, пожилой интеллигентный человек с бородкой и вечным запахом нафталина от пиджака. Его находят в собственной библиотеке, заваленного книгами. Убийца явно постарался, чтобы смерть выглядела как несчастный случай: мол, профессор заснул, книги упали с полок и придавили его.

Но судмедэксперт видит следы удушения. И знак бесконечности под левой ключицей.

Профессор жив. Вернее, жив тот, кого все считают профессором. Живой профессор не знает о существовании мертвого двойника. Мертвый двойник не знал, что он двойник. Все они — и Градовский, и Тихонов, и Лера, и профессор — жили обычной жизнью, не подозревая, что их копии существуют, дышат, ходят на работу, любят, страдают и умирают.

Власов сидит в своем кабинете, смотрит на доску, на которой он написал имена всех четверых погибших (двое мужчин, две женщины) и всех четверых живых. Между ними нет ни одной общей связи — ни родственной, ни деловой, ни криминальной. Разные возрасты, разный достаток, разная география. Единственное объединяющее — знак бесконечности под левой ключицей.

Власов берет маркер и рисует на доске большой знак бесконечности. Внутри него он пишет вопрос: «Кто? Зачем? По какому правилу?»

И тогда он вспоминает слова Градовского-живого, сказанные в интервью журналистам: «Это розыгрыш. Это мои конкуренты». Слова Тихонова-живого, сказанные жене: «Не верь тому, что увидишь». Истерику Леры-живой: «Я не знаю никакой копии!»

Все они говорят о том, чего не понимают. Но кто-то понимает. Кто-то знает правила этой игры.

Власов решает найти того, кто знает. И для этого он идет в темную сеть.

Глава 3. Приглашение в клуб

Темная сеть — это не миф и не хакерская романтика из фильмов. Власов знает это по работе: то, что скрыто от обычных поисковиков, представляет собой огромный пласт информации, где торгуют оружием, наркотиками, паспортами и человеческими жизнями. Для входа в темную сеть нужен специальный браузер, который Власов устанавливает на старый ноутбук, купленный за наличные на рынке — чтобы не светить свой ай-пи адрес.

Он ищет информацию, по ключевым словам: «двойник», «копия», «клон», «идентичный близнец», «знак бесконечности». Ничего. Тогда он вводит то слово, которое нашел в кулаке первого убитого: «Отражай».

Браузер выдает единственный результат. Не ссылка, не форум, а зашифрованное сообщение, которое открывается только после ввода пароля. Пароль — слово «Отражай». Власов вводит его.

На экране появляется черный экран и белый текст:

«Ты слишком близко. Твой двойник будет убит через сорок восемь часов. Если ты не явишься в клуб и не узнаешь правила, вы оба умрете. Адрес: Театральный переулок, дом 6, вход со стороны двора. Время: сегодня, двадцать три ноль-ноль. Пароль на входе — дата рождения человека, которого никогда не суще-

ствовало. У тебя 24 часа, чтобы её вычислить. Если не вычислишь — ты следующий».

Власов перечитывает сообщение три раза. Потом встает, выключает ноутбук, садится на диван и начинает думать.

«Твой двойник будет убит». Значит, у Власова есть двойник. Где-то ходит человек с его лицом, его голосом, его отпечатками пальцев, и этот человек не знает, что он — копия. Или, наоборот, Власов — копия, а двойник — оригинал. И кто-то собирается их убить, если он не придет на встречу.

«Пароль — дата рождения человека, которого никогда не существовало». Это загадка. Власов любит загадки, хотя никогда не признается в этом даже себе. Он достает блокнот и начинает перебирать варианты.

Человек, которого никогда не существовало — это может быть литературный персонаж. Шерлок Холмс? У него есть дата рождения — шестое января. Но Холмса придумал Конан Дойль, но персонаж настолько известен, что его как бы «существует» в культурном сознании. Нет, слишком просто.

Персонаж мифологии? Геракл? Зевс? У них нет точных дат.

Может быть, это реальный человек, чье существование было скрыто или стерто из истории? Жертва политических репрессий, чье имя вымарали из архивов? Но откуда тогда известна дата рождения?

Власов идет в библиотеку — не в интернет, а в настоящую, пыльную, с картотекой. Он берет справочники по истории

России, книги об альтернативной истории, фантастические романы про путешествия во времени. В третьем часу ночи, когда библиотека закрывается, а Власова выгоняет сонная старушка-библиотекарь, он находит ключ.

В одной из книг по истории советской генетики говорится о человеке по имени «Петр Иванович Кузьмин». Этот Кузьмин был учеником знаменитого биолога Лысенко, но потом его расстреляли за «вредительство». В книге указана дата рождения: 14 марта 1910 года. И сноска: «Существуют сведения, что личности Петра Кузьмина никогда не существовало; возможно, это собирательный образ или операция спецслужб».

14 марта 1910 года. Власов записывает эту дату. Но уверенности нет — слишком много вариантов.

Он решает идти на встречу без точного пароля, надеясь на импровизацию. Это опасно. Это глупо. Но другого выхода нет — через сорок восемь часов (а уже прошло двенадцать) может умереть человек с его лицом. Даже если этот человек — копия, он всё равно человек.

Власов надевает черную куртку, берет с собой фонарик, маленький диктофон и травматический пистолет (лицензия у него есть, но в темной сети огнестрел не поможет). Он едет в Театральный переулок.

Заброшенный театр кукол. Ночь. Дождь.

Здание выглядит так, будто его забросили лет пятьдесят

назад. Вывеска еще сохранилась: «Театр кукол „Буратино“». Окна забиты фанерой, на стенах граффити, у входа лужа с плавающим в ней шприцем.

Власов обходит здание и находит дверь со стороны двора — тяжелую, металлическую, обитую ржавым железом. Рядом с дверью — глазок видеокамеры. Власов машет в камеру рукой.

Из динамика над дверью раздается голос — механический, явно измененный синтезатором, но с интонациями живого человека:

— Пароль.

Власов делает глубокий вдох. Он понятия не имеет, правильный ли ответ он даст. Но он сделал выбор.

— Четырнадцатое марта одна тысяча девятьсот десятого года, — говорит он.

Тишина на пять секунд, которые кажутся вечностью. Затем дверь со скрипом открывается. Внутри — темнота, запах сырости, плесени и еще чего-то сладковатого, химического.

— Заходи, — говорит голос. — И не бойся. В клубе все равны. По крайней мере, пока ты жив.

Власов шагает в темноту, и дверь за ним захлопывается.

Глава 4. Театр Теней

Власов идет по длинному коридору, освещенному редкими тусклыми лампами, вколоченными в стены через каждые пять метров. Лампы эти — старые, советские, с желтоватым светом, который не столько освещает, сколько создает иллюзию видимости. Под ногами хрустит битое стекло — бывшие витрины с куклами, теперь разбитые вдребезги. Куклы валяются повсюду: Буратино с оторванной головой и выдраным носом-клювом, Пьеро с выколотыми глазами, из пустых глазниц которых сыплются древесные опилки, Мальвина с синими волосами, покрытыми плесенью, Карабас-Барабас с оторванной рукой и бородой, в которой завелась моль.

У Власова возникает неприятное ощущение, что куклы за ним наблюдают. Он знает, что это глупо — пластик, папье-маше и тряпки не могут смотреть. Но чувство не проходит. Оно давит на затылок, вызывает мурашки на спине, заставляет ускорить шаг. Власов вспоминает, как в детстве боялся театра кукол — не самих представлений, а кукол в антракте, когда они висели на стенах в фойе, безжизненные, но с застывшими на лицах выражением веселья или печали. Ему всегда казалось, что если задержать взгляд на одной из них достаточно долго, она моргнет.

Он трясет головой, отгоняя наваждение. Сейчас не время для детских страхов.

Коридор выводит в большой зал — бывшее фойе театра. Здесь когда-то толпились родители с детьми, пахло попкорном и дешевыми духами, продавали сахарную вату на палочках и воздушные шарики с гелием. Теперь зал превращен в нечто среднее между операционной и гостиной викторианской эпохи, будто декорацию к спектаклю по мотивам готического романа.

Стены затянуты черным бархатом — дорогим, тяжелым, с бархатистым ворсом, который мерцает в свете газовых рожков. Бархат свисает складками, напоминая драпировки в старых похоронных бюро. Люстры из настоящего хрусталя свисают с потолка — массивные, в три яруса, с сотнями подвесок, которые должны были бы сиять, но вместо ламп в них горят газовые рожки. Открытое пламя — живое, танцующее — создает на стенах и лицах игру теней, превращая присутствующих в персонажей камерного театра. Пламя колеблется от малейшего движения воздуха, и вместе с ним колеблются тени — то удлиняясь, то сокращаясь, то сплетаясь в причудливые узоры, напоминающие застывшие крики или молитвы.

Посреди зала стоит длинный стол из темного дерева — красного, тяжелого, инкрустированного медными пластинами с выгравированными на них знаками, которых Власов не узнаёт. Возможно, это латынь, возможно, греческий, возможно, какой-то шифр. Стол накрыт черной скатертью, на которой не видно ни пылинки — кто-то тщательно следит

за чистотой в этом храме смерти. Вдоль стола — тяжелые стулья с высокими спинками, похожие на троны. Резные, с подлокотниками в виде львиных голов, с бархатными подушками сидений, просиженными до такой степени, что на них остались следы множества тел.

За столом сидят люди. Власов насчитывает двенадцать фигур, но из-за полумрака и теней видит только силуэты. Некоторые лица скрыты масками — венецианскими, карнавальными, с длинными носами и прорезями для глаз. Маски из папье-маше, расписанные серебряной и золотой краской, с перьями и стразами — дорогие, ручной работы. Другие не скрыты вообще — их лица открыты, но лишены всякого выражения, будто их владельцы давно разучились чувствовать. Третьи лица закрыты полумасками — только на глаза и переносицу, оставляя открытыми рты, и эти рты плотно сжаты, превращая лица в маски боли или решимости.

Власову требуется несколько секунд, чтобы глаза привыкли к полумраку и танцующему пламени. Затем он начинает узнавать. Первым — того, кто сидит во главе стола, прямо напротив пустующего кресла.

Во главе стола — мужчина лет шестидесяти с благородной сединой на висках и тяжелым подбородком. Лицо его испещрено мелкими морщинами — не возрастными, а скорее профессиональными, теми, которые прорезает привычка долго и пристально вглядываться в чужую боль. Это Станислав Борисович Нестеров, известный в городе хирург-транс-

плантолог, профессор медицинского университета, человек, который пересадил за свою карьеру больше сотни сердец, печеней, почек и даже дважды — легкие. Нестеров носит не маску, а скорее маску спокойствия — такую искусственную, что Власов сразу понимает: этот человек привык смотреть смерти в лицо и не моргать. Однако Власов замечает и другое: правая рука Нестерова слегка подрагивает, пальцы постукивают по столешнице в ритме, похожем на стрельбу пулемета. Хирург с пересаженными сотнями органов боится. Это открытие заставляет Власова насторожиться еще сильнее — если Нестеров боится, значит, ситуация хуже, чем можно предположить.

Рядом с Нестеровым — женщина лет сорока пяти с острыми скулами и жестким ртом. Её Власов тоже знает: Марина Ильинична Степанова, депутат городского законодательного собрания, председатель комитета по здравоохранению. В миру она известна как борец за права пациентов, яростный противник «подпольной медицины», фальшивых лекарств и незаконных клиник. Её лицо открыто, и на нем — привычное для телекамер выражение праведного гнева, но теперь этот гнев направлен не на воображаемого врага, а на Власова, который осмелился нарушить покой этого святилища. Степанова одета в строгий черный костюм с мужским галстуком — стиль, который она выбрала для себя много лет назад и не меняла. Власову всегда казалось, что она так одевается, чтобы походить на тех, кому подражает — на сильных жен-

щин советской закалки, на Фурцеву или Крупскую. Теперь, при свете газовых рожков, он видит, что под этой броней — усталая женщина с мешками под глазами и едва заметной дрожью в уголках губ.

Дальше — мужчина лет тридцати пяти с внешностью голливудского актера: волевой подбородок, глубоко посаженные глаза, идеальный пробор, зачесанные назад волосы, лоснящиеся от дорогого воска. Аркадий Бельский, владелец сети частных клиник пластической хирургии «Новая форма», миллионер, филантроп, меценат. Власов читал о нем в глянце-вых журналах — Бельский любит позировать на фоне своих картин (он собирает импрессионистов — Моне, Ренуара, Писсарро — и раз в месяц устраивает закрытые показы для избранных) и раздавать интервью о том, как важно быть «естественным в мире искусственного». При этом его собственное лицо — плод многократных пластических операций, и Власов, присмотревшись, видит микрошрамы за ушами, утянутую кожу век, неестественно ровную линию подбородка. Бельский — живое доказательство того, что искусственное может выглядеть лучше естественного, но всегда остается искусственным. Сейчас он теребит край своей шелковой рубашки — дорогой, итальянской, с монограммой на воротнике — и этот жест выдает в нем нервозность подростка, пойманного на лжи.

Еще двое — мужчина и женщина — сидят в углу стола, ближе к выходу. Они не скрывают лиц, но Власов их не узна-

ет. Мужчина лет сорока, с изможденным лицом и глазами человека, который слишком много видел. Глаза эти — серые, с красными прожилками, с темным ореолом усталости, который не скрыть ни тональным кремом, ни восьмичасовым сном. На нем дешевый пиджак, купленный, вероятно, на рынке, и галстук, завязанный узлом, который не использовали со времен перестройки. Он сидит, ссутулившись, будто пытается занимать как можно меньше места — привычка человека, который привык прятаться. Женщина лет тридцати — наоборот, сидит прямо, выпрямив спину, с короткой стрижкой и внимательным взглядом. Такие взгляды бывают у военных, у спецназовцев или у людей, которые пережили насилие и научились не бояться. Короткие волосы открывают её шею — мускулистую, с выступающими сухожилиями. На ней простая черная водолазка и джинсы, без украшений, без макияжа. Власов замечает, что её руки лежат на столе ладонями вниз — открыто, без защиты — и на правом запястье виден шрам, похожий на след от наручников.

Всего за столом тринадцать человек, если считать пустое кресло во главе — напротив Нестерова. Тринадцатое кресло пустует. Власов понимает, что оно предназначено ему. Тринадцать — число, которое в западной культуре считается несчастливым, а в христианской традиции — числом Христа и двенадцати апостолов, если считать с Иудой. Власову кажется, что сегодня он — тот самый тринадцатый, Иуда, который пришел предать, но сам будет предан.

Он подходит к креслу. Садится. Дерево скрипит под его весом — скрип старого, больного дерева, которое помнит десятки таких же, как он. Бархатная подушка продавлена, и Власов чувствует спиной чужое тепло — кто-то сидел здесь совсем недавно. Возможно, тот, чей труп нашли в парке 300-летия. Возможно, тот, чье лицо сейчас смотрит на него с фотографии, приколотой к стене кнопкой — на ней улыбается девушка, похожая на Леру, но не Лера. Та, другая. Мертвая.

— Садись, Максим, — говорит Нестеров. Голос у него глубокий, с легкой хрипотцой — признак того, что он много говорит и еще больше курит. Анекдот в хирургических кругах: лучшие трансплантологи — те, кто гробят собственные легкие, чтобы чужие работали дольше. — Мы тебя ждали. Ты опоздал на пятнадцать минут.

— Пробки, — отвечает Власов, стараясь, чтобы голос звучал ровно, без дрожи. — Дожливый сезон, знаете ли. В городе каждый день коллапс. Мог бы приехать и раньше, но навигатор упорно вел меня к кольцевой, хотя я просил кратчайший маршрут.

Кто-то за столом хмыкает. Власов поворачивает голову — хмыкнула женщина с короткой стрижкой. Она смотрит на него с любопытством, смешанным с презрением — так смотрят профессионалы на любителей, которые шутят невпопад. Женщина военная, определяет Власов. Или была военной. Военная выправка видна в том, как она держит спину, как поворачивает голову, как смотрит — не в глаза, а чуть выше,

в точку межбровья, куда целятся снайперы.

Депутат Степанова смотрит на Власова с холодной неприязнью — её взгляд можно было бы назвать ненавистью, но ненависть требует эмоциональных затрат, а Степанова явно экономит энергию. Она оценивает его как конкурента, как помеху, как винтик, который застрял в хорошо отлаженном механизме. Хирург Нестеров — с чем-то, похожим на уважение, но Власов знает, что уважение хирурга к пациенту — это уважение к материалу, к объекту, который пока не сломался окончательно.

— Ты прошел входное испытание, — продолжает Нестеров, и в его голосе появляется нотка, похожая на гордость. — Ты вычислил дату рождения Петра Кузьмина. Это было непросто. Большинство наших гостей ломают голову неделями. Некоторые ломают головы буквально — в прямом смысле слова. Ты справился за двадцать четыре часа. Это рекорд.

— Я везучий, — пожимает плечами Власов. — Или просто слишком много читаю в молодости. Мать не могла оттащить меня от книжной полки. Говорила: «Максим, иди на улицу, играй с мальчишками, а то вырастешь таким же фантазером, как твой отец». А я читал про историю генетики, про Лысенко, про репрессированных ученых. И почему-то запомнил имя Кузьмина. Видимо, память у клонов хорошая.

Он бросает фразу «у клонов» намеренно — как пробный шар, как тест. Реакция зала — тишина. Слишком глубокая тишина. Даже газовые рожки, кажется, перестают потрески-

вать.

— Кстати, а кто такой этот Кузьмин на самом деле? — продолжает Власов, не дожидаясь ответа. — Вымышленный персонаж, расстрелянный ученик Лысенко или спецоперация НКВД? Я перерыл все архивы, какие смог найти. В одних источниках он существует, в других — нет. В третьих — есть приказ о расстреле, но нет записи о рождении. В четвертых — наоборот. Это часть вашей мифологии? Или шифр, который должен был показать, что я один из вас?

Нестеров улыбается — холодно, одними глазами, без участия губ и щек. Такая улыбка бывает у патологоанатомов, когда они показывают студентам особенно интересный препарат. — Кузьмин — это мы. Все мы. Люди, которых никогда не существовало, но которые существуют. Парадокс, не правда ли? Логическая петля, замкнутая на себе. Бесконечность, которая не имеет ни начала, ни конца. Как знак под нашей левой ключицей. Как наша жизнь.

— Я не люблю парадоксы, — говорит Власов, и голос его становится жестче. Он чувствует, как внутри закипает злость — профессиональная злость человека, который привык к ясности, к причинно-следственным связям, к тому, что каждое преступление имеет мотив, а каждый мотив — имя. — Я люблю факты. Факты, доказательства, улики, показания свидетелей. И факты таковы: в городе находят трупы людей, которые генетически идентичны живым. Эти трупы имеют под левой ключицей странный знак — хирургический имплантат

в виде бесконечности. И сегодня вы пригласили меня сюда, чтобы объяснить, что происходит. Или чтобы убить. Второе, честно говоря, меня интересует меньше, потому что у меня нет привычки умирать до того, как я получу ответы на свои вопросы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.